

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАННИХ ГИМНОВ ЛЮТЕРА

Ключевые слова: лютеровская гимнология, ранненововерхненемецкий синтаксис, поэзия М. Лютера, ранние духовные песни лютеранства.

С именем Мартина Лютера связано в рамках реформирования церкви создание немецких духовных гимнов, возрождение традиции хорового общинного пения духовных песен во время службы. Стремление Лютера сделать содержание гимнов понятным, доступным всем членам общины сказалось как на лексическом, так и на синтаксическом оформлении текстов. В целом для языка Лютера, как отмечает Й. Эрбен, с которым соглашается В. Г. Адмони, не характерны отступления от рамочной конструкции. Его произведениям свойственна «нормальная» форма предложения, со спрягаемым глаголом на втором месте. Для сложноподчиненного предложения типично наличие рамки. Для ранних евангелических (лютеранских) гимнов, авторство которых признается за М. Лютером, характерны в основном неточный метр и нечистая рифма, преимущественно мужская. Часто встречается и полное отсутствие рифмы. В связи с этим поэзию Лютера иногда относят к так называемой целевой поэзии (*Zwecksproesie*), то есть поэзии, служащей достижению какой-либо цели, например политической, религиозной, идейной. Часто в литературе можно встретить оценку лютеровских духовных песнопений скорее как рифмованных проповедей, а не поэтических произведений. Данные особенности следует учитывать при анализе синтаксических структур гимнов Лютера. В статье рассматриваются синтаксические конструкции, характерные для ранних лютеровских гимнов, уделяется внимание употреблению склоняемых и несклоняемых форм прилагательных в функции определения, использованию или неиспользованию безударного конечного *-e* у имен существительных, употреблению артиклей и местоимений в группе существительного, случаям наличия и отсутствия рамочной конструкции предложения и позиционному размежеванию разных видов определений, характерным для второго этапа ранненововерхненемецкого периода, с учетом основных положений В. Г. Адмони, касающихся развития немецкого языка в данное время.

L. N. PUZEIKINA

St. Petersburg State University

THE SYNTACTIC FEATURES OF LUTHER'S EARLY HYMNS

Keywords: Luther's hymnology, Early New High German syntax, M. Luther's poetry, early Lutheran spiritual songs.

The creation of German spiritual hymns and the revival of the tradition of cenobitic choral singing of spiritual songs during the service, as a part of the church reform, are associated with the name of Martin Luther. Luther's desire to make the content of hymns comprehensible to all members of the community affected both lexical and

syntactic features of the texts. In general, deviations from the closed-in structure are not typical for Luther's language, as noted by J. Erben. His creations are characterized by a "normal" sentence form, with conjugated verb occupying the second place. For a dependent clause, a closed-in structure is typical. In early Lutheran hymns attributed to Luther, imperfect metre and imperfect rhyme, mainly male, are common. These specifics should be considered when analyzing the syntactic structures of Luther's hymns. The article reviews syntactic constructions typical for early Luther hymns, focuses on the use of inflectable and non-inflectable adjectives in the function of an attribute, use or non-use of an unstressed ending *-e* in nouns, use of articles and pronouns in nominal groups, cases of presence and absence of a closed-in construction of sentences and positional division of different types of attributes, typical for the second phase of the Early New High German period, taking into account V. G. Admoni's main provisions regarding the German language evolution at that time.

1. Постановка проблемы

Духовные гимны Мартина Лютера довольно часто становились объектом исследования ученых различных направлений. Наиболее подробной комментированной публикацией трудов Лютера является веймарское многотомное издание 1883–2009 годов, охватившее в 120 томах как печатные, так и рукописные тексты Лютера [V]. Духовным песням посвящен отдельный 35-й том издания [V, Abt. 4, Teilbd. 35], вышедший в 1923 году. В данном томе приводятся подробные вводные главы, касающиеся первых изданий Лютера: песенников 1524 года, виттенбергских песенников 1528 и 1529 годов, затем публикуются тексты песен с пояснениями. Комментарии относятся в первую очередь ко времени написания, к авторству текста и музыки, публикации, текстовому варьированию песен в разных изданиях, а также отчасти к духовному содержанию песен. Описание языка песен, его лексических и грамматических особенностей не являлось задачей издателей. Это же можно сказать и о новейших исследованиях, посвященных лютеровской гимнологии, начиная с книги Г. Рёддинга 2015 года [17] и заканчивая комментированным изданием песен Лютера И. Шиллингом в 2019 году [VI]. Если Рёддинг посвящает свое издание в первую очередь той роли, которую играли и продолжают играть духовные песни Лютера в построении евангелической церковной службы, рассматривая их через призму отношения автора к музыке и к композиторам своего времени, то Шиллинг, опираясь на последнее прижизненное издание лютеровских духовных песен 1545 года [III], комментирует в первую очередь их духовное

содержание и ставит перед собой цель сделать текст Лютера максимально понятным и доступным современному читателю (см. также: [18; 16; 7; 6]).

При этом необходимо отметить, что язык гимнов Мартина Лютера играет первоочередную роль в силе воздействия его текстов, в их доступности слушателю, в том, насколько они доносят духовную мысль их создателя. В связи с этим данное исследование предлагает взглянуть на тексты некоторых гимнов Лютера с точки зрения их структуры, построения высказывания и той роли, которую играют в этом различные синтаксические средства связи слов в предложении.

2. Роль Мартина Лютера в создании немецких духовных песен

Как известно, уже в первых христианских общинах исполнялись духовные песнопения, но постепенно стало происходить отделение мирян от клира в церковной обрядности, в том числе и в исполнении песен хором [20; 12]. Месса отправлялась на латинском языке, а суть священнодействия и слова, звучавшие со стороны церковного хора, понимались далеко не всей паствой.

При этом, как отмечает Дж. Герль, отсутствовало единообразие в порядке отправления мессы: существовал отдельный распорядок для городов (на практике это мог быть любой населенный пункт с достаточным количеством детей в школах для создания церковного хора) и для деревень. В городах за пение на церковных службах отвечал школьный хор, состоящий из мальчиков-школьников и, возможно, бывших школьников. В больших городах существовали латинские школы, где все обучение происходило на латинском языке, и потому значительная часть церковного богослужения также пелась по-латыни. Это делалось скорее из практических целей, чем из желания поддержать старинный богослужебный язык [2]. Ведь латынь была общеевропейским языком, на котором могли общаться образованные люди. Благодаря использованию латыни в церкви молодые люди могли практиковаться в ее применении (ср.: [8]).

В меньших городах латинских школ, как правило, не было. Не всегда была возможность посещать даже и обычную школу (ср.: [15, S. 38, 54–56]). Полный цикл богослужений проводился

не всегда, в связи с тем что жителей было не так много. Хор мог отсутствовать, в результате чего не исполнялась латинская месса и не соблюдалась ежедневная последовательность утренних и вечерних молитв. Герль отмечает, что «в подобной ситуации на воскресной мессе община должна была бы брать на себя роль хора и петь немецкий стихотворный вариант обычной литургии. Руководил общинным пением служитель-мирянин, называемый приходским клерком» [2]. У последнего было довольно много обязанностей, среди которых можно назвать присмотр за церковным имуществом, колокольный звон, обучение молодежи катехизису и хранение церковных книг. Однако идеал редко достигается на практике. Часто хоровое пение заменялось сольным пением приходского клерка, который пел а *caprella*, поскольку органы в XVI веке были далеко не во всех церквях и использовались в основном для исполнения музыки, а не в качестве аккомпанемента хора (органное сопровождение хорового пения в церкви начало использоваться около XVII века и широко распространилось лишь в XVIII веке) [2].

В целом можно сказать, что участие первых лютеран в литургии было не очень активным. Герль, проведший серьезное исследование истории лютеранской гимнологии, отмечает, что «в Германии большая часть людей посещала только воскресную мессу, а пасторы постоянно жаловались, что многие приходят на мессу на час позже и уходят с нее на час раньше, присутствуя только на проповеди, для которой отводился средний час мессы. Более того, в некоторых городах считалось необходимым нанимать специального человека, который ходил бы во время проповеди по церкви и будил заснувших (помимо этого у него была еще обязанность прогонять из церкви животных, которые случайно туда забрели)» [2].

Изменения в этой сфере религиозной жизни тесно связаны с именем Мартина Лютера, с реформированием церкви, в том числе — с созданием немецких духовных песен, которые могли бы исполняться всей общиной. Из проповедей Лютера явствует, с каким упорством и силой убеждения он стремился зажечь в своих слушателях желание петь во время богослужения. Очевидно, что быстро ему это не удалось, но Лютер продолжил предпринимать усилия, чтобы добиться своей цели.

Среди первых шагов можно назвать изменение западной католической литургии. Новый чин богослужения Лютер написал

сперва на латыни (1523), затем он был переведен на немецкий язык и издан под названием «Немецкая месса и порядок богослужения (Deutsche Messe und Ordnung des Gottesdienstes) [II]. Важным изменением предшествующего чина было введение гимнов вместо речитатива. Эта литургическая служба стала стандартной для лютеранских церквей (таковой она является и сегодня). В 1526 году Лютер написал план мессы на основе традиционного средневекового чина, но на немецком языке и, подобно предыдущей латинской, с гимнами, а не речитативом. Как отмечает Р. Колб, именно «эта немецкая месса 1526 года дала христианам Средневековья народную литургию» [4, с. 8].

Результатом деятельности Лютера и его соратников стало издание нескольких сборников песен, общее количество которых в сборниках постоянно увеличивалось, от первых 8 до последующих 32, 36 и более в сборниках 1524–1529 годов.

3. Роль синтаксиса в лютеровской гимнологии как средства достижения максимальной доступности произведения

Во многих исследованиях, посвященных развитию синтаксических структур в XVI веке, приводятся примеры из текстов Мартина Лютера (ср.: [10, S. 32, 97, 100; 19, S. 47; 13, S. 741]). При этом авторы предпочитают брать за основу прозаические тексты Лютера, его проповеди или переводы Библии, оставляя в стороне поэтическое творчество реформатора церкви, в первую очередь духовные песнопения.

Гимны Лютера, имевшие, как и его проповеди, не только теологический, но и морально-философский характер, должны были быть доступны и понятны, по замыслу автора, всем, в том числе и наименее образованным прихожанам, что должно было неизбежно сказаться не только на лексическом оформлении текстов, но и на их синтаксическом строе.

В. Г. Адмони обращал внимание в своей книге «Исторический синтаксис немецкого языка» на то, что «[р]азвитие синтаксической системы каждого языка — это сложный, комплексный процесс, к которому можно подходить с разных сторон. Развитие синтаксической системы состоит в изменении сочетаемости грамматических разрядов и форм слов, типов предложений, а также отдельных

слов и их семантических рядов. <...> Наконец, развитие синтаксической системы состоит в изменении форм структурной организации синтаксических единиц» [1, с. 3].

В связи с этим мы обратим внимание не только на структурную организацию синтаксических единиц в гимнах М. Лютера, но и на такие явления, как, например, употребление склоняемых и несклоняемых форм прилагательных в функции определения, использование или неиспользование безударного конечного *-e* у имен существительных в различных функциях.

3.1. Употребление склоняемых и несклоняемых форм прилагательных в функции определения

В. Г. Адмони отмечает: «...уже в середине XVI в. склоняемая форма определительного прилагательного преобладает в подавляющем большинстве памятников, хотя само оформление этого прилагательного здесь еще подвержено разнообразным колебаниям» [1, с. 156]. При этом он оговаривает, что «очень широко краткие формы определительного прилагательного применяются в поэзии, где они используются часто как простые варианты склоняемых форм для создания тех или иных ритмических построений» [1, с. 157], и приводит пример из «Цеха плутов» Томаса Мурнера, где соседствуют склоняемые и несклоняемые формы прилагательных. Надо сказать, что подобное соседство форм встречается и в гимнах Мартина Лютера. При этом необходимо оговориться, что для ранних гимнов, авторство которых признается за М. Лютером, характерно употребление нечистой, преимущественно мужской, рифмы¹. Часто встречается и полное отсутствие рифмы. Именно в связи с этим в литературе часто высказывается мнение о том, что лютеровские духовные песнопения являются скорее рифмованными проповедями, чем поэтическими произведениями. Так, например, в гимне *Gott sei gelobet und gebenedeiet* (1524) мы находим

¹ Под чистой рифмой (*reiner Reim*) в немецком стихосложении понимается (после реформы Мартина Опица) полное совпадение конечных фонем в рифмующихся словах, начиная с последнего ударного гласного, написание рифмующихся фрагментов может при этом отличаться. При нечистой рифме (*unreiner Reim*) возможно лишь частичное совпадение конечных фонем в рифмующихся словах, считая с последнего ударного гласного. Отличия могут касаться как гласных, так и согласных [21, S. 41]. В. М. Жирмунский использует в этом же значении термины «точная» и «неточная» рифма [3, с. 69–70].

несклоняемые формы прилагательного *heilig* в сочетании с существительными мужского рода *Leib* и *Geist* в номинативе:

*Der heilig Leib², der ist für uns gegeben,
Zum Tod, daß wir dadurch leben;
Herr, dein heilig Geist uns nimmer laß,
Der uns geb zu halten rechte Maß* [IV, S. 15].

А также находим прилагательное *groß* в сочетании с существительным среднего рода *Wunder* в аккузативе без сопровождающего слова (артикля или местоимения):

*Herr, dein Lieb so groß dich zwungen hat,
das dein Blut an uns groß Wunder tat* [IV, S. 15] —

и прилагательное *arm* перед существительным женского рода *Christenheit* в сопровождении также несклоняемого местоимения *dein*:

*Dass dein arm Christenheit
Leb in Fried und Einigkeit* [IV, S. 15].

И если в первых примерах можно было бы объяснить употребление несклоняемой формы необходимостью попадания в стихотворный метр и, как следствие, в музыкальный размер, потому что при добавлении грамматического окончания появляется еще один слог, выбивающийся из общего ритма как в стихотворном, так и в музыкальном плане, то в последнем употреблении несклоняемой формы не только не укладывается в размер, но и неудобно ложится на ноты. При пении этой строфы без распева одна четверть оказывается «лишней», поэтому прилагательное *arm* приходится распевать на две четверти, чтобы уложиться в музыкальный размер.

В этом же гимне встречаются и склоняемые формы прилагательных: с существительными женского рода *Lieb*, *Treue* в дательном падеже и *Maß* в аккузативе без сопровождения артиклем или местоимений:

*In rechter Lieb und brüderlicher Treue,
Dass die Speis uns nicht gereue;
Herr, dein heilig Geist uns nimmer lass,
Der uns geb zu halten rechte Maß* [IV, S. 15].

² Здесь и далее в цитатах имена существительные пишутся для облегчения восприятия текста с заглавной буквы.

Один раз склоняемое прилагательное употребляется со словом *Leichnam* мужского рода в аккумулятиве без сопровождающих слов-артиклей:

*Herr, durch deinen heiligen Leichnam,
der von deiner Mutter Maria kam* [IV, S. 15].

Один раз — с существительным *Blut* среднего рода с определенным артиклем:

Und das heilige Blut, Hilf uns, Herr, aus aller Not
[IV, S. 15].

В данных примерах употребление склоняемых форм прилагательных в первой части помогает уложить строку в нужный размер, в который не очень хорошо попадает продолжение строки, где возникает необходимость распевать последнее или предпоследнее слово, добавляя таким образом один слог, чтобы попасть в стихотворный и музыкальный размер.

3.2. Использование или неиспользование безударного конечного *-e* у имен существительных

Следующей грамматической особенностью, влияющей на строй синтаксических конструкций у Лютера в целом, является использование или неиспользование безударного конечного *-e* у имен существительных. В. Г. Адмони отмечает: «Если регенерация склоняемой формы определительного прилагательного в основном завершается все же во второй половине XVI в., то восстановление неударенного конечного *-e* у существительных оказывается делом более затяжным и осуществляется лишь частично» [1, с. 157]. Далее он пишет, что подобное явление «в сочетании с соответствующими тенденциями в системе прилагательного <...> вело к созданию специфического построения группы существительного, в которой присутствовал целый ряд форм с нулевым показателем» [1, с. 158].

В ранних гимнах Лютера (1523–1524) мы находим следующие примеры:

*Du sollst kein falscher Zeuge sein, / nicht lügen auf den Nächsten dein;
sein Unschuld sollst auch retten du / und seine Schand decken zu*
(Dies sind die heiligen zehn Gebot, 1524) [IV, S. 22];

*Die Gebot all uns geben sind, / dass du **dein Sünd**, o Menschenkind,
erkennen sollt und lernen wol*

(Dies sind die heiligen zehn Gebot, 1524) [V, S. 22];

*Mitten in der Höllen Angst / **Unser Sünd** uns treiben*

(Mitten wir im Leben sind mit dem Tod umfängen, 1524) [IV, S. 48];

*Dem Teufel ich gefangen lag,
im Tod war ich verloren,
meine Sünd mich quälet Nacht und Tag,
darin ich war geboren.*

*Ich fiel auch immer tiefer drein,
es war kein Guts am Leben mein,
die Sünd hatt mich besessen
(Nun freut euch, liebe Christen g'mein,
1523) [IV, S. 2].*

Как видно из приведенных примеров, в различных гимнах Лютера наиболее часто встречается отпадение конечного *-e* у существительных *Sünd*, *Schand* — в основном в номинативе (*meine Sünd*, *die Sünd*) и аккузативе (*seine Schand*, *dein Sünd*) в форме единственного числа и один раз в форме номинатива множественного числа (*unser Sünd*). Сопровождаться эти существительные могут как склоняемыми формами притяжательных местоимений (*meine*, *seine*), так и несклоняемыми (*dein*, *unser*), а также определенным артиклем *die*.

При наиболее частом употреблении форм без конечного *-e* все же возможна вариативность, в том числе и в рамках одного гимна. Так, в гимне *Nun freut euch, liebe Christen g'mein* встречается форма *die Sünde*:

*Den Tod verschlingt das Leben mein,
mein Unschuld trägt **die Sünde** mein,
da bist du selig worden
(Nun freut euch, liebe Christen g'mein,
1523) [IV, S. 2].*

Что касается частотности употребления окончания *-e* в дательном падеже в односложных словах, то подобное явление встречается в ранних гимнах Лютера нечасто. Хотя В. Г. Адмони отмечает, что «в дательном падеже односложных слов окончание *-e* употребляется в памятниках из различных областей Германии (кроме юго-востока) в XVII веке очень широко. Но все же формы с *-e*, как правило, сопро-

вождаются вариантами без *-e*, причем их употребление регулируется часто ритмическими или стилистическими причинами, а в некоторых случаях вообще трудно объяснимо» [1, с. 161]. Далее он добавляет, что «возможность вариантного употребления субстантивных форм с окончанием *-e* и без этого окончания часто используется в ритмических целях, притом не только в поэзии, но и в прозе» [1, с. 162]. В проповедях Лютера подобное явление встречается достаточно часто и даже вызвало в свет специальные исследования (см.: [14]). Но в ранних лютеровских гимнах обнаруживается довольно мало примеров данного грамматического явления, например:

*Gott sei gelobet und gebenedeiet,
Der uns selber hat gespeiset
Mit seinem **Fleische** und mit seinem **Blute**;
Das gib uns, Herr Gott, zugute
(Gott sei gelobet und gebenedeiet,
1524) [IV, S. 15];*

*Derhalben mein Fürsprecher sei,
wenn du nun wirst erscheinen,
Und lies mich **aus dem Buche** frei,
Darinnen stehen die Deinen
(Es ist gewisslich an der
Zeit, 1529) [I].*

При этом нужно согласиться с Адмони в том, что употребление дативного *-e* часто трудно объяснимо — оно употребляется наравне с формами без *-e*. Так, первые два примера нельзя объяснить ритмическими причинами, поскольку как в тексте, так и в переложении на музыку, которую тоже сочинил Лютер, *-e* оказывается скорее избыточным. Объяснение стилистическими причинами было бы возможно, поскольку этот гимн посвящен воспеванию божественной сущности Христа и его спасительной жертвы во имя человечества и требует стилистически возвышенной лексики. Но в других гимнах Лютера со схожей тематикой мы подобных стилистических приемов не встречаем.

Существенным здесь является, на наш взгляд, тот факт, что первая строфа была заимствована Лютером почти без изменений из произведения анонимного автора из Медингена (после 1350 года). Во второй и третьей строфах, сочиненных самим Лютером, подобных примеров не встречается.

Во втором примере употребление дативного *-e* оправдывается ритмическими причинами: создается дополнительный безударный слог, который выравнивает ритм стиха и хорошо ложится на музыку, также сочиненную Лютером.

3.3. Употребление артиклей и местоимений в группе существительного

Следующая особенность, о которой хотелось бы сказать, это употребление артиклей и местоимений в группе существительного. Как отмечает В.Г.Адмони, «[a]ртикль или местоимение вообще могут отсутствовать в группе <...> а местоимения иногда выступают в таких группах, по сути дела, без маркированного окончания <...>. Аналогичное положение встречается иногда и при употреблении неопределенного артикля в форме *ein*» [1, с. 158]. Примеры этой особенности языка эпохи встречаются практически в каждом гимне Лютера в большом количестве. Приведем лишь некоторые:

*Ich bin allein dein Gott, der Herr,
kein Götter sollst du haben mehr*
(Dies sind die heiligen zehn Gebot,
1524) [IV, S. 22];

*Und bezahlt unser Schuld,
Dass uns Gott ist worden hold*
(Gott sei gelobet und gebenedeiet,
1524) [IV, S. 15];

*Du sollst kein falscher Zeuge sein,
nicht lügen auf den Nächsten dein;
sein Unschuld sollst auch retten du
und seine Schand decken zu*
(Dies sind die heiligen zehn Gebot,
1524) [IV, S. 22];

*Den Tod verschlingt das Leben mein,
mein Unschuld trägt die Sünde mein,
da bist du selig worden*
(Nun freut euch, liebe Christen g'mein,
1523) [IV, S. 2];

Mitten in der Höllen Angst
Unser Sünd uns treiben
(Mitten wir im Leben sind von dem Tod
umfassen, 1524) [IV, S. 48].

Таким образом, подтверждается вывод В.Г.Адмони относительного того, что «даже в период своего максимального развития группа существительного, лишенная маркированных показателей, никогда в немецком языке не являлась господствующей. А в течение рассматриваемого периода она оттесняется все больше и больше» [1, с. 158].

3.4. Структура предложения

В отношении развития структуры предложения в исследуемый период В.Г.Адмони придерживался того мнения, что особенно важное значение имеет «тенденция к созданию большей емкости и как бы к раздвижению границ элементарного предложения» [1, с. 171]. При этом он имел в виду, что роль предложения в выражении максимально сложного, разным образом выраженного содержания значительно усиливается, но происходит это «не за счет его формальной структурной собранности и организованности» [1, с. 171]. При этом исследователь оговаривает, что на этом этапе (в XVI–XVII веках), как и ранее, емкость элементарного предложения «колеблется в весьма значительных пределах в зависимости от конкретного содержания, непосредственно вкладываемого в предложение, от общих стилевых и жанровых факторов, а часто и от индивидуального стиля автора» [1, с. 188–189].

К особенностям индивидуального стиля Лютера, проявившимся в его текстах, обращенных к широкой публике, в том числе и в гимнах, относится стремление к краткости, емкости и выразительности высказывания. Поэтому в текстах его гимнов не проявляется тенденция «значительно увеличивать объем элементарного предложения не только за счет нагнетания однородных членов предложения, но и путем введения большого числа разнородных и, главное, весьма развернутых членов предложения», вводя при этом в элементарное предложение причастные и инфинитивные обороты [1, с. 188–189], о которой пишет Адмони. Наоборот, к его стилю относятся скорее более сжатые синтаксические построения. О том, что «общее раздвижение рамок пред-

ложения, как элементарного, так и сложного, уже в рассматриваемую эпоху вызывает и противодействие» [1, с. 190], Адмони тоже упоминает, но не останавливается подробно на разборе отдельных примеров.

Можно сказать, что у Лютера из двух противоборствующих тенденций в целом побеждает стремление к емким и формально собранным синтаксическим конструкциям. Применительно к исследуемому материалу существенную роль играет в этом, конечно, тот факт, что для поэтических произведений, к которым относятся гимны, в целом не типичны сложные построения, которые разрушали бы строку, усложняли размер и с трудом укладывались бы в музыкальные фразы. И хотя духовные песни Лютера можно относить к поэтическим произведениям с некоторыми оговорками, для его гимнов в целом не свойственны избыточно развернутые синтаксические конструкции. Фраза может заключать в себя часто несколько сложных предложений, состоящих в основном из двух простых, с сочинительной или подчинительной связью; каждое простое предложение или его смысловой фрагмент Лютер стремится укладывать в одну поэтическую строку, например:

*Sie trägt von Gold so rein ein Kron,
da leuchten inn zwölf Sterne,
ihr Kleid ist wie die Sonne schon,
das glänzet hell und ferne;
und auf dem Mon
ihr Füße stohn;
sie ist die Braut,
dem Herrn vertraut
(Sie ist mir lieb die werthe Magd,
1536) [IV, S. 66].*

В данном примере мы видим несколько независимых предложений, объединенных в одно сложное и разделенных запятой или точкой с запятой. Первые четыре простых предложения являются распространенными и объединены по смыслу и интонационно (*Sie trägt von Gold so rein ein Kron, / da leuchten inn zwölf Sterne, / ihr Kleid ist wie die Sonne schon, / das glänzet hell und ferne*); далее, после точки с запятой, следует простое предложение, распространенное обстоятельством места (*und auf dem Mon / ihr Füße stohn*); заканчивается это сложное синтаксическое построение предло-

жением, которое можно трактовать как простое с однородными сказуемыми или как сложное с эллиптическим придаточным определительным, в котором опущены союз и финитный глагол (*sie ist die Braut, / dem Herrn vertraut*). Несмотря на такое сложное синтаксическое построение, фраза воспринимается легко, ее содержание доступно читателю, прозрачно и понятно. Достигается это в первую очередь тем, что каждый смысловой фрагмент сложного синтаксического построения размещается на одной строке, первые четыре строки связаны перекрестной, а следующие четыре — смежной (парной) рифмой.

Продолжается данный гимн следующим четверостишием:

*Ihr ist weh und muss gebären
ein schönes Kind, den edlen Sohn
und aller Welt ein Herren,
dem sie ist unterton*
(Sie ist mir lieb die werthe Magd,
1536) [IV, S. 66].

Здесь Лютер использует сложное предложение, состоящее из первого нераспространенного самостоятельного предложения (*Ihr ist weh*) и следующего неполного главного предложения с опущенным подлежащим (*und muss gebären / ein schönes Kind, den edlen Sohn / und aller Welt ein Herren*), распространенного тремя дополнениями с определениями, вынесенными за глагольную рамку, и нераспространенного придаточного определительного (*dem sie ist unterton*). При этом опять при достаточно сложном синтаксическом построении фраза так делится на строки, что в каждую из них укладывается один-два смысловых фрагмента, связанных перекрестной рифмой.

Что касается рамочной конструкции предложения, упомянутой выше, то для данного периода характерно, по мысли В. Г. Адмони, укрепление данного явления: «...наряду с возрастающей структурной организованностью и монолитностью группы существительного, важным средством увеличивающейся формально-структурной цельности предложения является упрочение рамочной структуры» [1, с. 206]. При этом ученый тут же отмечал, что «порядок слов был одной из тех областей, в которых в конце XV и в начале XVI века наиболее явственно сказывались тенденции к некоторому отходу от того структурного типа немецкого язы-

ка, который органически и без каких-либо существенных ломок или отступлений сложился в средневерхненемецком. А именно, в это время, правда лишь спорадически, в некоторых памятниках, явственно обнаруживается стремление к более контактной постановке компонентов сложных глагольных форм в главном и самостоятельном предложении и к переносу стягиваемой формы глагола с конечного на более близкое место в подчиненном предложении, т. е. к полному или частичному нарушению рамочной структуры» [1, с. 207].

Формулировка, говорящая о «нарушении» рамочной конструкции, может признаваться спорной, если учитывать тот факт, что сама структура глагольной рамки еще полностью не установилась к данному периоду развития немецкого языка, поэтому будем говорить о наличии или отсутствии данной структуры. В текстах гимнов Лютера можно наблюдать достаточно системное вынесение тех или иных синтаксических элементов за глагольную рамку, часто с соблюдением того или иного типа рифмы (чаще перекрестной или парной). При этом в самостоятельных и главных предложениях спрягаемый глагол становится на второе место, неизменяемая часть сказуемого примыкает к нему либо непосредственно, либо после одного или нескольких второстепенных членов предложения. Так, например:

*Ich bin allein dein Gott, der Herr,
kein Götter **sollst du haben mehr;**
du **sollst mir ganz vertrauen dich,**
von Herzensgrund **lieben mich.***
Kyrieleis.

(Dies sind die heiligen zehn Gebot,
1524) [IV, S. 22];

*Du **sollst nicht brauchen zu Unehrn**
den Namen Gottes, deines Herrn;
du **sollst nicht preisen recht noch gut,**
ohn was Gott selbst red't und tut.*
Kyrieleis

(Dies sind die heiligen zehn Gebot,
1524) [IV, S. 22].

Данная тенденция совпадает с наблюдением О. Бехагеля, отмечающего в отношении постановки финитного глагола тот факт, что

в этот период времени как в главном, так и в придаточном предложении за рамку могли выноситься второстепенные члены предложения («Ergänzungen der verschiedensten Art» [9, S. 144]). Кроме того, языку Лютера свойственно вынесение за рамку семантически важных фрагментов текста. Подобное явление отмечает, например, С. Т. Нефёдов на материале перевода Библии Лютера в отношении модальных компонентов: «...детерминантный характер модальных образований при их одиночном употреблении в составе предложения маркируется в переводе Библии Лютера порядком слов, вынесением модально-оценочного компонента за рамки основной субъектно-предикативной линии предложения» [5, с. 177].

Что касается придаточных предложений, то в гимнах Лютера наблюдается тенденция к постановке финитного глагола в конец предложения:

*Du sollst heiligen den siebten Tag,
dass du und dein Haus **ruhen mag**;
du sollst von deinem Tun lassen ab,
dass Gott sein Werk in dir **hab**.*

Kyrieleis

(Dies sind die heiligen zehn Gebot,
1524) [IV, S. 22].

В отношении данных примеров интересно отметить, что они несколько противоречат наблюдениям Адмони, который фиксировал различие в грамматическом характере подчиненных придаточных предложений с рамкой и без нее, отмечая, что рамка встречается у придаточных определительных, вводимых «местоименными словами (местоименное наречие с относительным значением *do*, относительное местоимение *das*)», и не встречается «у объектных подчиненных предложений, и притом у предложений развернутых, содержащих обширный новый семантический материал самостоятельного характера и вводимых союзом *daz*» [1, с. 207]. В данном случае придаточные также вводятся союзом *dass* (*daz*), но имеют другой грамматический характер и являются придаточными цели. Таким образом, в целом подтверждаются наблюдения Й. Эрбена, отмечавшего то, что в главных предложениях Лютера глагол стоит, как правило, на втором месте, а в придаточном предложении преобладает рамочная конструкция [9, S. 16, 22].

4. Выводы и перспективы исследования

Обращая внимание на синтаксис гимнов Мартина Лютера, мы в очередной раз убеждаемся в их продуманной структуре и четком следовании единой прагматической задаче: воздействовать на слушателя не только посредством текста, но и музыкой, которую Лютер очень ценил и которую считал одной из мощнейших сил, подаренных Богом людям, чтобы они могли бороться с дьяволом и побеждать зло.

Синтаксическая структура лютеровских фраз выстраивается так, чтобы текст был доступным, прозрачным по смыслу, четко укладывался в ритм стиха и легко ложился на ноты. Этой цели подчинены употребление склоняемых и несклоняемых форм прилагательных в функции определения, использование или неиспользование безударного конечного *-e* у имен существительных, употребление артиклей и местоимений в группе существительного без маркированного окончания, а также — структура простого и сложного предложений.

Для Лютера первостепенное значение имело привлечение общины к участию в церковной службе. Этому способствовали музыкальная форма произведений в стиле народной песни, простые формулировки фраз, семантические повторы. Думается, язык лютеровских гимнов, их призывная сила, а также простота изложения и строения сыграли существенную роль в их быстром распространении из Виттенберга по всей Германии и далее.

Источники иллюстративного материала

I. *Es ist gewisslich an der Zeit*. https://hymnary.org/text/es_ist_gewisslich_an_der_zeit (дата обращения: 27.01.2020).

II. *Luther M. Deutsche Messe vnd Ordu[n]g Gotes diensts, zů Wittemberg, fürgenom[m]en*. [Augsburg]: [a. publ.], 1526 // Münchener Digitalisierungszentrum. Digitale Bibliothek. [VD16 M 4912]. <https://daten.digitalisierungs-zentrum.de/0002/bsb00022395/images/index.html?fip=193.174.98.30&seite=5&pdfseite=> (дата обращения: 27.01.2020).

III. *Luther M. Geystliche Lieder: Psalmen und Geistliche Lieder*. Leipzig: Valentin Babst, 1545. 279 S.

IV. [*Luther M.*] *Martin Luthers geistliche Lieder mit den zu seinen Lebzeiten gebräuchlichen Singweisen* / hrsg. von Ph. Wackernagel. Stuttgart: Samuel Gottlieb Liefching, 1848. 195 S.

V. [Luther M.] D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe (Weimarer Ausgabe): in 120 Bdn. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger (Metzler Verlag), 1883–2009.

VI. Luther M. Geistliche Lieder: Nach dem Bapstschcn Gesangbuch. Leipzig: Evangelisches Verlagshaus, 2019. 192 S.

Литература

1. Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. М.: Высшая школа, 1963. 334 с.

2. Герль Дж. Лютеранские основы нашей гимнологии. [Б. м.]: Евангелическое лютеранское служение, 2006. <https://www.seminariaelci.ru/app/download/11943829031/Herl-TheLutheranRootsD.doc?t=1459038682> (дата обращения: 27.01.2020).

3. Жирмунский В. М. Рифма, ее история и теория. Пб.: Academia, 1923. 339 с.

4. Колб Р. 10 лекций о богословии Мартина Лютера. [Б. м.]: Евангелическое лютеранское служение, 2003. 76 с.

5. Нефёдов С. Т. Эволюция модальных форм: синхронная вариативность и историческая динамика // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 1, ч. 2. С. 172–179.

6. Alpermann I., Evang M. Mit Lust und Liebe singen: Lutherlieder in Portraits. Göttingen: Neukirchener, 2017. 160 S.

7. Ammermann N. Luther und die Musik. Bielefeld: Luther-Verlag, 2017. 88 S.

8. Bärsch J. Liturgie im Hoch- und Spätmittelalter // Geschichte der Liturgie: Rituelle Entwicklungen, theologische Konzepte und kulturelle Kontexte in den Kirchen des Westens: in 2 Bdn. / hrsg. von J. Bärsch. Bd. 1: Antike bis Neuzeit. Münster: Aschendorff, 2018. S. 329–377.

9. Behaghel O. Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung: in 4 Bdn. Bd. 4: Wortstellung. Periodenbau. Heidelberg: Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1932. 322 S.

10. Ebert R. P. Infinitival Complement Constructions in Early New High German. Tübingen: Max Niemeyer, 1976. 199 S.

11. Erben J. Karl Boost, Reinhard Peesch: Grundzüge einer Syntax der Sprache Luthers: Vorstudie zu einer Luther-Syntax, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Hochsprache und zur Klärung der syntaktischen Grundfragen. Berlin: Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröff. des Instituts für deutsche Sprache und Literatur, 1954. 182 S.

12. Gerhards A. Liturgie in den ersten Jahrhunderten // Geschichte der Liturgie: Rituelle Entwicklungen, theologische Konzepte und kulturelle Kontexte in den Kirchen des Westens: in 2 Bdn. / hrsg. von J. Bärsch. Bd. 1: Antike bis Neuzeit. Münster: Aschendorff, 2018. S. 83–155.

13. Greule A. Textgrammatik und historische Textsorte am Beispiel sakral-sprachlicher Texte // Historische Textgrammatik und historische Syntax des Deutschen: in 2 Bdn. Bd. 1: Diachronie, Althochdeutsch, Mittelhochdeutsch. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. S. 741–759.

14. Habermann M. Das sogenannte, Lutherische e': Zum Streit um einen armen Buchstaben // Sprachwissenschaft. 1997. Nr. 22. S. 435–477.

15. Konrad F.-M. Geschichte der Schule: von der Antike bis zur Gegenwart. München: C. H. Beck, 2007. 128 S.

16. Küster K. Musik im Namen Luthers: Kulturtraditionen seit der Reformation. Stuttgart: Metzler, 2016. 319 S.

17. Rödding G. Ein neues Lied wir heben an: Martin Luthers Lieder und ihre Bedeutung für die Kirchenmusik. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verlag, 2015. 256 S.

18. Rößler M. Die Wittenbergisch Nachtigall: Martin Luther und seine Lieder. Stuttgart: Calwer, 2015. 72 S.

19. Simmler F. Zur Entwicklung der Stellung des Prädikats in Aussagesätzen in biblischen Textsorten vom 9. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts // Historische Textgrammatik und historische Syntax des Deutschen: in 2 Bdn. Bd. 1: Diachronie, Althochdeutsch, Mittelhochdeutsch. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2010. S. 33–55.

20. Theobald M. Anfänge christlichen Gottesdienstes in neutestamentlicher Zeit // Geschichte der Liturgie: Rituelle Entwicklungen, theologische Konzepte und kulturelle Kontexte in den Kirchen des Westens: in 2 Bdn. / hrsg. von J. Bärsch. Bd. 1: Antike bis Neuzeit. Münster: Aschendorff, 2018. S. 37–83.

21. Wagenknecht C. Deutsche Metrik: Eine historische Einführung. 5. Aufl. München: Beck, 2007. 172 S.

References

1. Admoni V. G. *Historical Syntax of the German Language*. Moskow, Vysshaia shkola Publ., 1963, 334 p. (In Russian)

2. Herl J. *Lutheran Fundamentals of Our Hymnology*. Rus. ed. [S.l.], Evangelicheskoe liuteranskoe sluzhenie Publ., 2006. <https://www.seminariaelci.ru/app/download/11943829031/Herl-TheLutheranRootsD.doc?t=1459038682> (accessed date: 27.01.2020). (In Russian)

3. Zhirmunskii V. M. *Rhyme, Its History and Theory*. St. Peterburg, Academia Publ., 1923, 339 p. (In Russian)

4. Kolb R. *10 Lectures on Martin Luther's Theology*. Rus. ed. [S.l.], Evangelicheskoe liuteranskoe sluzhenie Publ., 2003, 76 p. (In Russian)

5. Nefedov S. T. Evolution of Modal Forms: Synchronous Variation and Historical Dynamics. *Vestnik S.-Peterb. un-ta. Ser. 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2008, issue 1, part 2, pp. 172–179. (In Russian)

6. Alpermann I., Evang M. *Mit Lust und Liebe singen: Lutherlieder in Portraits*. Göttingen, Neukirchener, 2017, 160 p.
7. Ammermann N. *Luther und die Musik*. Bielefeld, Luther-Verlag, 2017, 88 p.
8. Bärsch J. Liturgie im Hoch- und Spätmittelalter. *Geschichte der Liturgie: Rituelle Entwicklungen, theologische Konzepte und kulturelle Kontexte in den Kirchen des Westens*, in 2 vols., ed. by J. Bärsch, vol. 1: Antike bis Neuzeit. Münster, Aschendorff, 2018, pp. 329–377.
9. Behaghel O. *Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung*, in 4 vols., vol. 4: Wortstellung. Periodenbau. Heidelberg, Carl Winters Universitätsbuchhandlung, 1932, 322 p.
10. Ebert R. P. Infinitival Complement Constructions in Early New High German. Thübingen, Max Niemeyer, 1976, 199 p.
11. Erben J. *Karl Boost, Reinhard Peesch: Grundzüge einer Syntax der Sprache Luthers: Vorstudie zu einer Luther-Syntax, zugleich ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Hochsprache und zur Klärung der syntaktischen Grundfragen*. Berlin, Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröff. des Instituts für deutsche Sprache und Literatur, 1954, 182 p.
12. Gerhards A. Liturgie in den ersten Jahrhunderten. *Geschichte der Liturgie: Rituelle Entwicklungen, theologische Konzepte und kulturelle Kontexte in den Kirchen des Westens*, in 2 vols., ed. by J. Bärsch, vol. 1: Antike bis Neuzeit. Münster, Aschendorff, 2018, pp. 83–155.
13. Greule A. Textgrammatik und historische Textsorte am Beispiel sakral-sprachlicher Texte. *Historische Textgrammatik und historische Syntax des Deutschen*, in 2 vols., vol. 1: Diachronie, Althochdeutsch, Mittelhochdeutsch. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 2010, pp. 741–759.
14. Habermann M. Das sogenannte ‚Lutherische e‘: Zum Streit um einen armen Buchstaben. *Sprachwissenschaft*, 1997, no. 22, pp. 435–477.
15. Konrad F.-M. *Geschichte der Schule: von der Antike bis zur Gegenwart*. München, C. H. Beck, 2007, 128 p.
16. Küster K. *Musik im Namen Luthers: Kulturtraditionen seit der Reformation*. Stuttgart, Metzler, 2016, 319 p.
17. Rödding G. *Ein neues Lied wir heben an: Martin Luthers Lieder und ihre Bedeutung für die Kirchenmusik*. Neukirchen-Vluyn, Neukirchener Verlag, 2015, 256 p.
18. Rößler M. *Die Wittenbergisch Nachtigall: Martin Luther und seine Lieder*. Stuttgart, Calwer, 2015. 72 p.
19. Simmler F. Zur Entwicklung der Stellung des Prädikats in Aussagesätzen in biblischen Textsorten vom 9. bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts. *Historische Textgrammatik und historische Syntax des Deutschen*, in 2 vols., vol. 1: Diachronie, Althochdeutsch, Mittelhochdeutsch. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 2010, pp. 33–55.

20. Theobald M. Anfänge christlichen Gottesdienstes in neutestamentlicher Zeit. *Geschichte der Liturgie: Rituelle Entwicklungen, theologische Konzepte und kulturelle Kontexte in den Kirchen des Westens*, in 2 vols., ed. by J. Bärsch, vol. 1: Antike bis Neuzeit. Münster, Aschendorff, 2018, pp. 37–83.

21. Wagenknecht C. *Deutsche Metrik: Eine historische Einführung*, 5th ed. München, Beck, 2007, 172 p.

Пузейкина Лариса Николаевна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Larissa N. Puzeikina

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.puzejkina@spbu.ru

SPIN-код: 4794-7438; ResearcherID: M-9219-2013; ORCID: 0000-0003-3005-4811